

ДЕТЕКТИВ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Татьяна **УСТИНОВА**
Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**
Евгения **МИХАЙЛОВА**
и другие :-)

**Анна Васильевна Данилова
Анна и Сергей Литвиновы
Татьяна Александровна Бочарова
Татьяна Витальевна Устинова
Инна Юрьевна Бачинская
Евгения Михайлова
Людмила Мартова**

Детектив в день рождения

**Серия «Великолепные
детективные истории»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65686845

Детектив в день рождения : сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-123168-2

Аннотация

В какой день можно получить максимум любви, внимания и улыбок? Конечно же, в день рождения! Даже если не хочется считать года, всегда приятно получать искренние и теплые поздравления. Но иногда все идет не по плану, и даже в этот праздничный день случаются непредсказуемые происшествия... Об этом остросюжетные рассказы наших любимых писателей

– Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении Михайловой – и других популярных авторов. Их действие происходит именно в день рождения!

Содержание

Инна Бачинская	6
Татьяна Устинова	44
Людмила Мартова	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Детектив в день рождения: сборник рассказов

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Инна Бачинская

День рождения художника

День выдался прекрасный! Солнечный, жаркий... но не изнуряющий, а приятно-расслабляющий, к тому же полный сладкого запаха цветущих лип, разноцветных клумб и сверкающих струй фонтанов. Полдень. Народ в центральном парке прибывает. Детишки резвятся на игровых площадках; слышен визг, крики, смех; всюду мороженое, попкорн, розовые и голубые облака ваты на палочке и сверкающие разноцветные воздушные шары в виде сердечек, медвежат и рыбок. Пахнет жареным мясом; дальний угол, где мангалы, заволокло сизым дымком. С верхней точки колеса обозрения люди внизу кажутся ничтожными мельтешащими букашками, а если посмотреть в другую сторону, то видна зеленая роща, а за ней сверкающая темно-синяя лента реки.

На центральной аллее расположился стихийный вернисаж местных художников — картины на подставках и прямо на траве, — можно полюбоваться или купить за недорого пейзаж или натюрморт; причем торг уместен. Художники сидят на раскладных стульчиках, демонстративно не замечая друг друга, серьезные, даже суровые, незаинтересованные; глядят мимо толпы. Кто-то установил этюдник и рисует, позади тащится пара-тройка любопытствующих зевак.

Тут же «моменталисты-портретисты» – их двое: приятная молодая женщина с длинными волосами, в розовой блузочке с рюшами и белых брючках, а также расхристанный молодой человек в красной бейсбольной шапочке и растянутой футболке, на ногах вьетнамки. Сидят они по разные стороны аллеи друг против дружки. Художница набрасывает карандашом ангелоподобного малыша, рядом стоит мама, поминутно поправляет сынишке вихры на макушке и одергивает рубашку с Микки-Маусом. Еще одна мама с девочкой дожидаются своей очереди. Около молодого человека в бейсболке вакуум. Он скептически смотрит на конкурентку и делает вид, что ему плевать. Подумаешь, написано на его лице, видели мы таких, сделайте нам красиво, ни уха ни рыла в живописи, один китч. Ну вот что эта, например, понимает в живописи? Окончила двухнедельные курсы в Интернете и туда же – художник! Коллега, с позволения сказать, набила руку на портретах и штампует, причем все одинаковые... Насобачилась! И клиенты в масть. Он смотрит на хлопотливую мамашу, и на его лице играет ироническая гримаса. Разве этим нужно искусство? Бантики-шмантики, глазки-губки... Вон еще подвалила, спрашивает, кто последний. И хоть бы одна посмотрела в его сторону! Ау, я здесь! В упор не видят. Курицы! Надежда сшибить пару монет накрывалась медным тазом. А ведь сначала все складывалось вроде тип-топ: подошли двое, по виду провинциалы, воскресные туристы, и попросили портретик на память. У них в провинции такой

радости нет. Средних лет, не красавцы из себя; женщина воткнула в волосы цветочек. Ну он и выдал – в стиле крутого реализма, без прикрас. Цветочек особенно выразительно получился. Клиенты рассмотрели портрет, переглянулись. Лицо у женщины вытянулось, а мужчина сказал: «Морду бы тебе начистить за такое художество!» – и швырнул рисунок на землю. «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива!» – крикнул он вслед клиентам. Подобрал портрет, рассмотрел критически и спрятал в папку. Ну, может, нос великоват, щеки у мадам из-за спины видать, рот кривоватый... так ведь правда! Правда же!

Молодого человека зовут Дима Щука, и сегодня у него день рождения. Тридцать пять, возраст вершины. Значит, должно повезти, но пока никак. Дима, как читатель уже понял, художник. Неплохой, между прочим, даже можно сказать, известный, так как время от времени выставляется в местной художественной галерее. Картины его покупают – не сказать что вприпрыжку бегут, но забирают почти все. Однажды даже японцы клюнули на два пейзажа: река и желтый песок и цветущие кусты сирени. Интерес японцев вроде знака качества – они люди понимающие, природа для них святое. А еще Дима Щука оформитель, сработал, например, интерьер кафе «Чайная роза» и торговый зал нового филиала супермаркета «Магнолия». В итоге получилось замечательно, но в ходе работ заказчик три раза клялся прибить Диму за простои, прогулы и распитие спиртных напитков в

рабочее время. Если бы не вмешался друг Димы Артур Головатый, владелец антикварного магазина «Старая лампа», очень достойный человек, то, возможно, ему и вовсе не заплатили бы.

– Я художник! – кричал Дима. – Мне тесно в рамках! А этот придурок каждый день лезет в душу и требует то одно переделать, то другое! А сам ни уха ни рыла не отбивает, одна радость – бабла нахапать! Дилетант! Он меня будет учить! Ха!

– Есть работа для души, а есть для денег, – наставлял друга опытный Артур. – Любой каприз заказчика – его право. Это же торговая точка, тут талант не нужен. Если этот жлоб хочет розовый зал в горошек, скажи «есть!» и дай ему розовый в горошек, пусть подавится. Ты, Димыч, должен научиться отделять важное от ерунды, талант от ремесла! Мы с тобой это обсуждали. Ты все понял?

– Понял, – ворчал Дима. – Художники не продаются!

– Но хотят кушать, – справедливо заметил Артур и укоризненно покачал головой...

У Димы замечательная цветопередача, все согласны. Его пейзажи словно живые, и всякий, кто смотрит на них, чувствует, как сжимается сердце, будто кто-то в него тихонько постучал; что-то чудится знакомое, родное и давно забытое: это за рекой, это на диком пляже, а это березовая роща в Еловице... «Как же, помню», – думает зритель и смотрит повлажневшими глазами. Помню! И сразу хочется ему

побежать туда, убедиться, что все на месте, ничего не изменилось, все как раньше: и пляж, и роща, и березы... И каждая травинка, каждая веточка трогает до слез! Как возвращение домой после долгого путешествия. Пустяк, а проникает в глубины, и чувствуется в картинке печальная извечная мудрость, пронзительное знание и осознание смыслов, которые художник передал через травинку, куст, полуразвалившийся деревянный дом или старое кривое дерево.

Все это тем более удивительно и ни на что не похоже, Дима Щука начисто лишен каких бы то ни было глубинных смыслов, и смыслов вообще! Обычный парень в бейсбольной шапочке, выгоревшей футболке и потрепанных джинсах, не за что глазу зацепиться. Прост и незатейлив как грабли. Правда, очень хорош собой – чего не отнять, того не отнять. Как же ему удастся так глубоко влезть в душу своими картинами – взять тех же японцев? А черт его знает как. Истинный талант, похоже, или ангел водит рукой. Дар – дело темное, непонятно, кто дал, за какие заслуги и каков промысел. Дан, и все. Точка. Причем никаких условий, типа дадено тебе, смертный, так и служи людям, народу, буди вечное и светлое, не растрать втуне, не пей, не волочись, не хапай чужое, не лжесвидетельствуй, не жри в три горла. Так нет же, что обидно! В жизни за все надо платить, а тут взяло и обломилось на халяву.

Не забыть добавить к ништякам внешность, даже лик, если высоким штилем – уж до чего Дима хорош собой, не пе-

редать! Девушки и дамы так и выются, а он к ним со всей душой. Художнику нужны впечатления, восторг и новизна. Смотрит, бывало, очередная претендентка – физиономия простецкая, даром что красавчик, рот открыт, глаза круглые и общий вид «дебиловатый», как в досаде воскликнула одна из пролетевших соискательниц, – и думает: «А от я его сейчас пристрою в хозяйство», – и слышит уже звон свадебных колоколов. А вот фиг вам и облом! Диму Шуку голыми руками не ухватишь.

Он был почти женат однажды, но так и не приспособился к семейной жизни, не привык ночевать дома, а уж как она старалась! До драки доходило бывало. А уж битья посуды и криков – этого добра было немерено. Расстались, правда, по-хорошему: она осталась в Диминой двушке в центре, а он съехал в развалюху ее бабушки в Еловице, причем рядом лес, а через одичавший сад бежит ручей. Она и мечтать не могла о такой удаче, а Дима не думал ни минуты: как увидел заросли крапивы и богородиценой травы в человеческий рост, да кривые яблони и ручей, да заросли ландышей, так и поплыл. Стоял как вкопанный, слушал плеск ручья – рот открыт, глаза круглые, дыхание перехватило – и смотрел, смотрел...

Артур Головатый, у которого антикварный магазин «Старая лампа», учит Диму жить, потому что они друзья. Не может отказать себе в удовольствии с высоты своего положения и жизненного опыта: деньжата водятся, связи имеются, одет

как денди лондонский, шикарная вилла в престижном районе и красавица-супруга. Не чужд плотских утех, но все тихо, благопристойно, без скандалов. Умеет же человек! Между прочим, историк по образованию, а в душе еще и археолог, даже металлоискатель имеется. Они дружат с детства, выросли в одном дворе, а теперь еще и партнеры в каком-то смысле. Дима пишет, Артур сбывает по знакомым, делает ему имя. По-дружески, но при этом берет комиссионные.

– Этот козел загнал моего «Лешего» за приличные бабки, а мне какие-то копейки! – пожаловался Дима однажды своей знакомой Эле, которая питала к Артуру слабость. – Не сволочь, скажешь? Ну и получил по сусалам!

У Димы выразительная лексика и очень неприятный голос – сиплый и громкий, аж мороз по коже. И бурные жесты, руки так и мельтешат.

– Некрасиво, – согласилась Эля. – Он тебе тоже по сусалам?

– Ну! Но у него удар слабый и нос сразу течет. Костюм закапал и чуть не заревел, пижон!

– Ну так продавай сам.

– На базаре торговать? – фыркнул Дима.

– Тогда назови свою цену и не уступай, – сказала Эля. – Дави на него!

– Все равно нажухает, барыга!

– Это же твой друг!

– Ну друг, и что? И друг, и барыга. Историю классно зна-

ет. Между прочим, в живописи дупля не отбивает, одни понты...

– Ты не разбрасывайся, – поучает Артур, – у тебя неплохая техника, но нужно работать и побольше экспрессии, целеустремленности... Ярости, если хочешь! А ты за все хватаешься и только время теряешь. Археология, уфология, марки, монеты... Шляешься по свалкам, теперь вот пуговицы... Вот скажи, на хрен тебе пуговицы? – Вопрос риторический и ответа не требует.

– А ты знаешь, почему пуговица называется пуговицей? – спрашивает тем не менее Дима, понимающий все буквально.

– Пугало, что ли?

– Тут несколько версий, – веско говорит Дима. – «Пугъвъ» на старославянском значит «кругляш», «блямба». Ее цепляли на одежду как оберег, чтобы отпугивать нечистую силу. Типа пугало. Чем страшнее, тем больше она испугается, потому шипы, рожки, семена внутри, чтобы звенело. Знаешь, какие попадают фантастические штуkenции! Перламутр, олово, дерево...

– А где ты их берешь?

– На свалках или у старичков.

«Старички» – совместный проект Димы и Артура. Дима в силу коммуникабельности и любопытства не вылезает из полуразвалившегося частного сектора и дружит с его насельцами, часто одинокими и неприкаянными. Забегает на чай, приносит что-нибудь вкусненькое, заодно покупает у них ка-

кой-никакой антиквариат: посуду, бронзу, фарфор, книги. Для Артура в основном. Причем торгуется с приятелем самым серьезным образом, отстаивая финансовые права старичков. Он и с Элей так познакомился – дружил с ее прабабушкой, Еленой Станиславовной, почившей в апреле сего года. Гонял с ней чай и беседовал на разные темы. Однажды пришел с ее любимыми плюшками, а она умерла, и правнучка все вывезла. А Дима, между прочим, давно нацелился на парочку интересных вещичек. Так они и познакомились...

Дима хмыкнул, вспомнив, что Артура за занудство в детстве называли Арик-Комарик! Зудит и зудит.

* * *

Около четырех Дима плюнул, так и не дождавшись желающих получить свой портрет, свернул барахло и пошел восwoяси. Ладно, не везет в картах, повезет в любви... в смысле, если закрывается дверь, то где-то открывается окно. «Пробьемся», – сказал себе Дима. У конкурентки толпилась очередь, что было обидно. Домой не хотелось, вопрос с деньгами не решился и стоял ребром, и было непонятно, как теперь выкручиваться. Ничего путного не лезло в голову, кроме как подзанять у богатенького Артура. Дима сговорился на завтра с утречка с кровельщиком, еле уговорил, а денег не достал. Думал немного поднять на уличных портретах, хоть на аванс, но не срослось.

Зачем кровельщик? А затем. Четыре дня назад на крышу студии, пристроенной к развалюхе, рухнуло дерево, которое давно надо было спилить, но все руки не доходили. Или не поднимались. К счастью, центр, который из стекла, не пострадал, но угол отбит конкретно и дыра такая, что если пойдет дождь, то затопит к чертям собачьим. Куб студии чуть не полностью стеклянный, красоты неописуемой, работать в нем одно удовольствие – свет сверху и с боков. Предмет гордости, можно сказать, правда, сожрал все сбережения. Сцепка этого стеклянного великолепия с развалюхой – сплошной сюр, так и хочется протереть глаза. В развалюхе Дима живет, в студии творит.

Мастеровой придет завтра утром, а денег нет. Его зовут Вениамин. Они давно знакомы, и Вениамин сказал: «Деньги наперед, а то знаю я тебя». Дима пообещал – думал, сумеет достать, – но промахнулся. Вениамин как придет, так развернется – и большой привет. Он мужик крутой, с ним не сговоришься. А по прогнозу послепослезавтра прилетит циклон и польет как из ведра. И что теперь? К кому бросаться? К Артуру. Больше не к кому.

Дима тянул, прекрасно понимая, что Артур потребует испанца в кружевном воротнике. Он давно к нему подбирается. Испанец в кружевном воротнике – автопортрет, Дима им очень дорожит. Он и правда получился на диво удачным: красавец гранд в черном бархате и кружевном воротнике, с пронзительными глазами и длинными локонами, изящно

опирается на парапет. И что прикажете делать? Продать? Спустить на крышу? А разве есть выход? Может, удастся вымутить хотя бы на аванс, а испанца не трогать?

Дима достал айфон и набрал Артура. Тот днюет и ночует в «Старой лампе», включая выходные. Артур был на месте, и Дима сказал небрежно, что он тут рядом и собирается заскочить на минутку. «Кофий есть?» – спросил он, хотя, если честно, сейчас бы в самый раз здоровый кусок мяса – оголодал на свежем воздухе. «Давай, – сказал Артур, – постучишь три раза, а потом еще два. А то лезет кто попало, нервов не хватает. Понял?» Суббота, вспомнил Дима, выходной. Конспиратор хренов, левые схемы крутит, не иначе.

В городе давно ходили невнятные слухи о том, что Артур путается с черными археологами, но Дима не верил. А с другой стороны, на хрен ему металлоискатель? Может, правда? А чего, вокруг города полно древних поселений, курганов, да и река вымывает на берег... взять те же пуговицы! Дима лично подобрал две от вицмундира, с двуглавым орлом. Что это такое, Дима узнал из Интернета: оказывается – это мундир гражданских чиновников. Кстати, собирание пуговиц называется филобутонистика, вот! Целая наука, это вам не кот начихал.

Он с размаху грохнул кулаком в дверь магазина – три раза, потом еще два. Дверь приоткрылась, Артур выглянул и озабоченно повел взглядом туда-сюда вдоль улицы.

– Я без хвоста, – сказал Дима. – Все чисто. Лично прове-

рил.

Артур посторонился, и Дима вошел. Хозяин тут же запер дверь.

– Привет, – сказал Дима. – Весь в трудах? Не думал, что застану. Ты что, клад выкопал?

– Все клады давно выкопаны, – сказал Артур и пошел вперед через торговый зал со всякой пыльной дребеденью вроде помятых самоваров, мельхиоровых шкатулок, кабанных голов с клыками, мраморных женских головок, фарфоровых ваз и бронзовых подсвечников. Пахло здесь печально – пылью и тленом.

Кабинет Артура на задах магазина представлял собой маленькую комнатку, куда неизвестно каким чином он ухитрился впихнуть большой письменный стол, царское кресло с вензелями и крошечный диванчик с зеркальной полочкой. Над диванчиком висел шкафчик с чашками, рядом на тумбе стояла кофеварка. Артур поместился в кресло, Дима упал на диванчик и вытянул ноги на середину комнаты.

– В парке гулянье, – сообщил он. – Полно народу, вечером концерт.

– Что новенького? – спросил Артур. – Ничего не нарыл? Пуговицы? Фарфор? Бронзу?

Дима дернул плечом, что значило «нет», и спросил:

– Кофейком угостишь?

– Самообслуживание, – сказал Артур. – Мне тоже. Покруче – ночь не спал, просто падаю...

Дима понял, что Артур нарывается на вопрос, чтобы растечься во всех подробностях: почему не спал, где болело да что принимал, а оно не помогало, – но промолчал. Артур трепетно относится к своему здоровью, любит рассматривать в зеркало высунутый язык и десять раз на дню меряет давление. Кроме того, задалбливает всех подробностями своих ощущений.

– А тебе не вредно? – не удержался Дима от шпильки.

– Все вредно, – сказал Артур. – Жить тоже вредно. Две ложки сахара. Есть сухарики, будешь?

Они молча пили кофе. Дима примеривался, как бы упомянуть невзначай о ссуде – главное, не показать, что кранты. Если бы не проклятый зарождающийся где-то циклон...

– Арик, мне нужны деньги, подкинешь? – решил он наконец. – Заказчик обещал, но пока ничего. На недельку, а? Дерево упало, сбило крышу... угол. Венька уперся, деньги, говорит, вперед.

– Сочувствую, – скорбно сказал Артур. – Насчет бабла... Кризис, сам знаешь. Торговля никакая, но могу забрать испанца. По-дружески.

Что и требовалось доказать!

– Не продается, – сказал Дима. – Самому нужен.

– Как знаешь.

В молчании они продолжали пить кофе. Дима хрустел сухариками и соображал, пытаясь нащупать решение, но его не было. Он налил себе вторую чашку и доел последний су-

харик. Во рту было противно, сладко и отдавало ванилью.

– Ладно, – сказал он наконец. – Бери. Пятьсот зеленых.

– Двести пятьдесят.

– Ты чего, совсем? Было же пятьсот! – вскричал Дима.

– Было пятьсот, а стало двести пятьдесят. Сам виноват – цены падают каждый день, а я ведь предлагал!

– Скотина! – сказал Дима.

– От скотины слышу, – парировал Артур. – Завтра будет вообще двести. Ну?

– Триста!

– Ладно, уговорил. Испанца вперед.

– Деньги сейчас! – твердо сказал Дима. – Испанца принесу завтра.

– Тогда двести пятьдесят!

– Пошел ты, знаешь куда? – завопил он, вскакивая, и ткнул в сторону Артура дулю. – На, выкуси! Хрен тебе, а не испанца! У меня сегодня день рождения, между прочим!

– Ладно, уговорил, – сказал Артур. – Но имей в виду, что никто не даст тебе больше – времена сам знаешь какие. Поздравляю! Завтра утром заскочу и заберу. Тогда и отдам. Надо бы днюху отметить...

– В другой раз, – проворчал Дима. – Нет настроения.

Он шел по улице – и ему хотелось плакать. Его прекрасный испанец в кружевном воротнике уплывал к подлому барыге, и хорошо бы за пятьсот. Так нет же! За триста! Ка-

ких-то жалких триста! А раньше выпрашивал за пятьсот, ну не сволочь? Додавил-таки. Дима чувствовал себя предателем, ему было жаль прекрасного испанца. День рождения называется!

Домой по-прежнему не хотелось. Он зашел в гастроном, купил бутылку красного, твердого сыру в дырках, копченого мяса и отправился в гости к Эле. У нее вечно пустой холодильник с позавчерашней овсяной кашей и кислый кефир... скулы сводит при одном взгляде! Эля, правда, не любит, когда без приглашения: мол, а если она не одна или работает! Но Дима не обращает внимания: не надо нас душить, не одна она! А с кем? Опять не надо свистеть. Кто же ее выдержит с ее-то термоядерным норовом! И было бы понятно, если бы красotka, – ладно, можно потерпеть, – а тут внешность... так себе, а характерец не дай бог! Диме все ее закидоны и недовольные ужимки по барабану, даже интересно.

Эля – единственная женщина, к которой он заглядывает на огонек без дальнего прицела, исключительно поговорить. Вернее, пособачиться и подразнить ее, посмотреть, как она злится – и хорошеет при этом: лицо горит, глаза мечут молнии, волосики дыбом... Только что в драку не лезет.

Вообще-то, она Элеонора. Надо заметить, что есть целый ряд имен, которые Диме не очень нравятся, хотя надо отдать им должное, – включают воображение. Ну там, Глафира, Матрена, Василиса, Алевтина. Элеонора туда же. Казалось бы, имена как имена, но вот поди ж ты, цепляли они в

нем какую-то тайную струнку и вызывали в голове соответствующую картину. Глафира, например, виделась ему громадной, как колокольня, бабой с зычным голосом, причем медсестрой в халате и со шприцем в здоровенной ручище. Уколов Дима боялся с детства. Матрена выступала в монашеских одеждах, скользила неслышно, с опущенной головой. Василиса казалась богатырем в шлеме на здоровенном битюге, машущем хвостом. Элеонора же напоминала вертлявого шпица с писклявым голосом.

Дима позвонил. За дверью стояла тишина. Он позвонил еще раз, и еще. Он был уверен, что Эля дома, потому что больше ей быть негде. В парк она не пойдет ни за какие коврижки, так как не любит толпы. Да и окно у нее открыто. Дома! После пятого звонка за дверью раздался шелест шагов.

– Это я! – закричал Дима. – Открывай!

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и Эля сказала:

– Чего тебе? Позвонить не мог?

– Не мог. У меня сегодня день рождения! Круглая дата.

Я вина принес.

Эля сняла цепочку, отступила, и Дима вошел.

– Представляешь, твой любимый Артур выдурил у меня испанца! – Он ткнул Эле торбу с продуктами, сбросил вьетнамки и босиком пошлепал в гостиную. – Зараза! Ну, я ему...

Он осекся и застыл на пороге. В кресле, где обычно любил сидеть Дима, расположился крупный мужчина в белой

рубашке, галстук-бабочке и внимательно смотрел на него. Насмотревшись, мужчина скользнул взглядом вниз и уставился на босые, не очень чистые Димины ноги.

– Здравсте! – сказал он и представился: – Дима.

– Леонид, – процедил мужчина в бабочке. – Не холодно? – Он кивнул на его ноги.

– Нормально, лето на дворе. Бантик не давит? – в свою очередь поинтересовался Дима, плюхаясь на диван.

Мужчина не ответил и посмотрел в окно.

– Мальчики, вы уже познакомились? – Эля появилась в гостиной. – Чай? Кофе? Вино?

– Я не пью вина, – сказал мужчина.

– Язва? – спросил Дима. – Вообще-то, я тоже больше по пиву. Вино для девочек.

– Пива я тоже не пью, – сказал мужчина. – Язвы у меня нет.

– А чего тогда?

– Не люблю. Плебейский напиток.

– А я иногда с удовольствием, – поспешила Эля. – Когда жарко. Леонид, доставай фужеры. Дима, пошли, поможешь с бутербродами.

– Что за чмырь? – спросил он на кухне. – Наследный принц Задрыпанска?

– Леонид мой старинный друг, – отчеканила Эля. – Коллега, переводчик. Знает пять языков.

Леонид... Так его звали. Лапик для своих. Он действи-

тельно знал пять иностранных языков, был толковым переводчиком, что не могло не отразиться на характере. Был Лапик аккуратистом и педантом, не терпел расхлябанности и необязательности, всегда ставил вещи на свои места, мыл за собой тарелку и чистил зубы после каждого приема пищи. Они встречались тайно, так как Лапик был женат. Пять лет высоких отношений! Сначала Эля надеялась, что он разведется и они поженятся. Потом уже не надеялась, да и любовь ушла, а отношения продолжались по привычке. Лапик приходил как старый добрый друг, усаживался в кресло и с выражением неудовольствия на лице принимался жаловаться. Он жаловался на жену, детей, тещу, соседей, коллег и даже собаку, неблагодарную спаниельку Тоби, которую выкормил из бутылочки. Эля варила кофе, ходила туда-сюда, приносила печенье или сухарики, зевала украдкой, а Лапик все жаловался. Иногда Эля не отвечала на его звонки – тогда Лапик обижался на нее тоже и при случае выражал свое неудовольствие. При этом он был одним из самых порядочных людей, которых она знала.

Дима принес поднос с бутербродами, поставил на журнальный столик.

– Вина точно не будешь? – спросил он.

– Нет, я же сказал, – сухо ответил Леонид и снова посмотрел на его босые ноги.

– У меня сегодня день рождения! За компанию, а? Хорошее вино, испанское... – Тут Дима вспомнил про испанца

в кружевном воротнике и помрачнел.

– Зачем же ты его продал? – спросила Эля, появляясь с тарелкой салата.

– Деньги нужны, а эта скотина воспользовалась.

– Нужно уметь рассчитывать финансы, – назидательно заметил Леонид.

– Ты у нас кто? Переводчик? – спросил Дима тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Или математик? Вот и переводи. Хотя кому на хрен оно надо! Все инструкции на пятнадцати языках. Или в Гугле.

– Эля, скажи своему... – Леонид демонстративно запнулся, – другу, что у него вульгарное представление о работе переводчика.

– Переводы статей, книг... мало ли, – сказала Эля. – Зачем тебе деньги? У меня есть немного. Сколько надо?

– Прилично. У меня крыша треснула...

Леонид кашлянул, замаскировав смехок.

– В смысле?

– Дерево упало и снесло угол крыши. Договорился с Венькой, а бабла нету. Попросил у Артура, а он потребовал испанца. Давно глаз положил, гад! Куда прикажешь деваться? Скотина и есть.

– Артур ваш друг? – иронически спросил Леонид.

– Слушай, хоть ты не лезь! – бухнул Дима. – И так тошно!

– Что вы себе позволяете! – возмутился тот.

– Мальчики, прошу к столу! – поспешно воскликнула

Эля. – Леонид, придвигай кресло. Дима, наливай!

– Ты же не пьешь, – склочным голосом напомнил Леонид. – У тебя на красное вино аллергия.

– Я немножко, – сказала Эля. – День рождения все-таки. Леонид, ты...

– Можно наливать? – перебил Дима. – Все уже обсудили? Переводчик, ты как?

– Леонид! – с нажимом произнесла Эля.

Тот пожал плечами.

– Ну и ладушки. Погнали! – Дима разлил вино в бокалы.

– Дима, за тебя! – сказала Эля, отхлебнула и закашлялась.

– Я же говорил! – обрадовался Леонид. – Водички?

– Не надо, просто поперхнулась. Димочка, желаю тебе вдохновения и успехов! Всегда смотрю на твой венецианский карнавал... – Она кивнула на картину в золотой раме над диваном. – Даже настроение поднимается!

– Сколько вам? – спросил Леонид, отставляя бокал. – Тридцать? Сорок?

– Тридцать пять, да, Дима? Лёля говорила, было тридцать четыре, значит, теперь тридцать пять.

– Вы были знакомы с Еленой Станиславовной? – превеличенно удивился Леонид. – Удивительно эрудированная женщина. А какая широта взглядов! Она всегда поражала меня... м-м-м... своей нерастраченностью.

– Был знаком, классная бабка. Царствие ей небесное.

– Бабка?

– Дедка! Мы дружили!

– Вы и Елена Станиславовна?!

– Елена Станиславовна, Елена Станиславовна... – перепардзил Дима. – Да, дружили!

– У нее было много антикварных вещей, насколько я помню, – приподнял бровь Леонид. – Я всегда говорил Эле, что нужно составить опись, а то желающих поживиться много, знаете ли. Лезут в душу, а потом обирают старичков. Антиквариат нынче в цене.

– Леонид! – возвала Эля.

– Я лезу в душу?! – Дима даже задохнулся от возмущения, вскочил и ринулся на Леонида.

Тот тоже вскочил. Дима размахнулся и залепил ему изрядную плюху. Эля закричала. Леонид запрокинул голову, зажимая разбитый нос.

– Дима, не смей! Ленечка, у тебя кровь! Изверг! – Последнее относилось к художнику.

– Дичего, бсе в порядке, – скорбно сказал Леонид, отнимая ладонь от носа и разглядывая ее. – Дичего... – На них он не смотрел.

– Может, «скорую»? – фыркнул Дима. – А то мало ли, заражение крови или сразу инфаркт!

– Дима, перестань! Да что с тобой сегодня?

– А чего он лезет со своими инсинуациями! Мы дружили с Лёлей, ты же знаешь! – кричал оскорбленный до глубины души Дима. – Скотина!

Читатель, возможно, помнит, что голос у него на редкость неприятный, особенно на повышенных тонах. Сейчас же его хриплые децибелы были слышны даже на улице.

– От скотины слышу! – парировал Леонид.

– Дима! Леонид! Мальчики! Немедленно прекратите! У нас праздник, а вы ведете себя как дети... честное слово!

Мальчики повернулись к Эле, и Дима спросил:

– Какой праздник?

– День рождения! Забыл?

– И денжат заработал на поехавшую крышу, – сказал Леонид. – Двойной праздник, души и тела.

Дима снова вскочил, но Эля толкнула его обратно на диван и закричала:

– Или вы прекращаете, или убирайтесь! Оба! Леонид, не ожидала от тебя!

– От меня?! Значит, этому типу можно, а мне прикажешь терпеть? Он назвал меня скотиной! Меня никто никогда еще не называл скотиной!

– Скотина и есть! – с удовольствием отчеканил Дима. – Переводчик хренов! Тебе домой не пора? Супруга не заругает?

– Не твое дело! Мазила! Делом не хочешь заняться? Найди работу, как все приличные люди?

– Ага, за копейки штаны протирать? Вроде тебя?

– Вроде меня не получится, образования не хватит, – фыркнул Леонид. – Объясняю для приматов: рылом не вы-

шел! Понял? Пусть копейки, зато стабильно, а твои художества не очень-то тебя кормят, если на крышу не хватает.

– Да пошел ты! Что ты в этом понимаешь!

– Конечно, куда уж нам, бескрылым! Депрессии, приступы гениальности, истерики, загулы... А пахать не пробовал? Как все, по восемь часов? Или хотя бы портреты рисовать на улице? У нас на бульваре сидит один такой, вечно подшофе, но копейка капает.

– Леонид, перестань! – резко сказала Эля. – Не ожидала от тебя. Дима хороший художник, он не будет на улице. Его испанец просто шедевр!

– Шедевр? И сколько же он потянул, этот шедевр? Хороший художник, говоришь? Виталия Щанского знаю, Колю Башкирцева знаю – хорошие художники. А этого не знаю! Дима... как там тебя?

– Не твое собачье дело! – опомнился он. – Щанский пять лет не выставляется, запутался со своими бабами и детьми, Коляка Башкирцев ремесленник и подкаблучник. А ты... В гробу я тебя видал, переводчик! Тьфу!

Настроение было окончательно испорчено. Сначала Артур, теперь этот... Эля еще досыпала соли, ах, не будет он портреты на улице! А что, спрашивается, плохого? Дима вспомнил парк, миловидную художницу, к которой стояла очередь, и немолодую пару, своих единственных за весь день клиентов. А крыша, зараза, провалилась! Ему стало так обидно, что даже слезы навернулись.

– Коньяк есть? – спросил он. – Видел в буфете.

– Может, не надо... – неуверенно сказала Эля.

– Почему не надо? Пусть товарищ примет на грудь, явит удаль молодецкую! – Леонид потрогал свой нос.

– Сопло на месте? – тут же спросил Дима. – Живое? Сопит? Вот и сопи в две дырки. Молча.

Эля вышла.

– Любой человек, если голова на плечах, может зарабатывать, – сказал Леонид. – Головой надо работать, понял? Мозгами! Тебе тридцать пять, а ты... босиком! Как пацан! За какую-то паршивую крышу отдал испанца!

– Заткнись! И так тошно!

– Правда глаза колет? – противным голосом сказал Леонид, и Дима снова вскочил. Переводчик тоже вскочил, они сцепились и затоптались как глухари на токовище.

– Немедленно перестаньте! – закричала с порога Эля. – Вообще с ума посходили? Сейчас полицию вызову!

Мальчики не обратили на нее ни малейшего внимания и продолжали топтаться. Дима при этом выражался как биндюжник, Леонид отвечал адекватно, но как культурный человек, следил за базаром. Из носа у него снова пошла кровь, и он, не раздумывая, ткнулся лицом в плечо противника – утерся и одновременно пнул Диму в колено. Дима взвыл и со всей дури достал Леонида в солнечное сплетение. Тот охнул и стал оседать.

– Ну и черт с вами! – Эля налила себе коньяку, выпила

залпом и неверными шагами вышла из комнаты. – В гробу я вас видала!

Дима усадил Леонида в кресло, уселся напротив, разлил коньяк и протянул ему бокал:

– Давай!

Тот, не чинясь, взял, и они выпили. Леонид при этом страшно скривился и со всхлипом втянул в себя воздух.

– Хорошо пошло! Ты, главное, закусывай, – заботливо сказа Дима. – Бери мясо! Или ты веган? Здорово ты меня приложил. – Он погладил колено. – А с виду дохляк-дохляком. На! – Он протянул Леониду салфетку...

* * *

...А в это время Артур сидел в своем кабинете, рассматривал сайты известных аукционов и пил виски. На его лице блуждала довольная улыбка: как красиво все-таки он уделал Димыча! Испанец обломился за триста баксов, а заберут за восемьсот. Арнольд Павлович, меценат, собирает местных художников. Вот у кого бабла немерено! Можно еще поторговаться. А Димычу триста как раз на крышу, повезло пацану. Им обоим повезло. Завтра с утречка пораньше подскочу, решил Артур, а то лови его потом. Димыч, он такой. А испанец хорош!

Тут он вспомнил, что завтра ему принесут на продажу бронзовый позолоченный шандал на семь свечей, предполо-

жительно восемнадцатого века. Мастер – итальянец. В идеальном состоянии. Удивительно красивая вещица! Массивная основа с двумя ангелочками, на ней амфора зеленого мрамора с медными гирляндами и витой стержень с семью чашечками для свечей. Похожий в Интернете тянет на пару штук зеленых. А если хорошенько рассмотреть клейма да найти похожие работы и попытаться определить мастера, то и побольше. Было у Артура чувство, что пошел ему фарт! Пруха. Кто-то там, наверху, подтолкнул судьбу, и она протягивает ему сладкий пряник. Ангел-хранитель, не иначе.

Он достал цветные фотографии подсвечника, разложил перед собой; цедил виски и любовался...

* * *

...В восемь утра следующего дня Артур уже стучался в дверь Димы Шуки. Тот открыл – нечесаный, заспанный, – молча повернулся и пошел в студию через захламленную... гостиную, с позволения сказать. Артур двинулся следом, споткнулся о пустую бутылку и чертыхнулся. Поцокал языком, рассматривая дыру в крыше, посочувствовал. Он подошел к портрету испанца, деловито упаковал в мягкую бумагу и перевязал шпагатом. Отсчитал деньги и положил на консоль; достал из портфеля бутылку коньяку:

- С днем рождения, Димыч! Расти большой!
- Пошел ты! – буркнул Дима.

– Чудак-человек, – ухмыльнулся Артур. – Ты себе еще нарисуешь, ты же у нас талант. Талантище! А это что? Что-то новенькое? – Он потянул за тряпку, закрывающую мольберт.

– Ничего! – Дима оттолкнул Артура. – Сыро еще!

– Ну-ну. Удачи тебе, Димыч, и еще раз с днюхой. «Природа» Барриа у тебя или загнал? – спросил он внезапно.

Дима пожал плечами, задрал голову и посмотрел на стеклянный потолок:

– Какая еще на фиг природа... Уже уходишь? Счастливо!

«Природа» француза Барриа – бронзовая статуэтка, принадлежавшая в свое время покойной Елене Станиславовне. Дима влюбился в нее с первого взгляда и очень надеялся, что старая дама подарит статуэтку ему – отпишет по завещанию. Но промахнулся, увы. «Природа» попала к Эле, а та продавать отказалась – память, сказала, семейная реликвия, то-се. Арик тоже сильно возбудился насчет статуэтки, выпрашивал, набивался к Эле в друзья, лез напролом. В итоге статуэтка типа пропала.

...От раздумий Диму оторвал кровельщик Вениамин. Он вошел, не постучавшись, встал перед Димой – маленький, корявый, в старом синем комбинезоне, подпоясанном солдатским ремнем, – и сурово потребовал:

– Деньги наперед!

...Артур, не откладывая в долгий ящик, позвонил Арнольду Павловичу и сказал, что картина «Испанец в черном с кружевным воротником» у него и они могут поужинать сегодня в «Английском клубе», отметить сделку, так сказать...

Итальянский подсвечник он выторговал за вполне приемлемую цену, почуяв, что хозяину позарез нужны деньги. Дождался окончания рабочего дня и запер дверь магазина. Он сидел в кабинете и не мог налюбоваться на это чудо. Живьем подсвечник был еще красивее, чем на фотографиях. Ювелирная работа! Листики, гирлянды, каждая завитушка, ангелочки, поднявшие головки и смотрящие на свечи, зеленый необыкновенно красивый мрамор с белыми прожилками – все было прекрасно!

Артур взял лупу на фигурной ручке и принялся в сотый раз в совершеннейшем восторге рассматривать свое приобретение. При этом он бормотал себе под нос арию Германа из «Пиковой дамы»: «Что наша жи-и-изнь? Игр-р-ра! Э-э-э... Кто прав, кто счастлив... Сегодня ты-ы-ы, а завтра я! Пусть неуда-а-ачник плачет! Кляня, кляня свою-ю-ю судьбу!» Стихи были в масть настроению: он, Артур, победитель, а Димыч инфантил, лузер и плачущий неудачник. Что касемо фигурки Барриа, то Артур нюхом чуял, что без приятеля дело не обошлось. Так что один-один, амиго!

* * *

...Эля весь день пролежала в постели с головной болью. Стоило ей шевельнуться и открыть глаза, как комната начинала кружиться, а потолок падать; она тут же закрывала глаза и замирала. Кто-то звонил по телефону, но она не ответила. По настырности звонившего поняла, что это Дима, и мысленно послала его к черту. Обоих! Ну и хороши! Дима – ладно, без тормозов, но Лапик! Воспитанный, с манерами английского лорда, весь из себя положительный Лапик! Когда она очнулась вчера поздно вечером и выползла из спальни, их уже не было. Коньячная бутылка оказалась пуста, как и тарелки. На полу у кресла она заметила пятно крови и пару смятых испачканных салфеток, при виде которых ей стало дурно, и она опрометью бросилась в ванную. Потом долго умывалась холодной водой, бормоча: «Черт бы вас подрал... алкаши чертовы!»

* * *

А в жизни художника Димы Щуки черная полоса все тянулась и тянулась. Крыша, как оказалось, была изрядно повреждена, и Вениамин заявил, что, во-первых, надо бы материалу прикупить и денег маловато, а во-вторых, за день

не управиться. Может, и за два. Дима чертыхнулся в сердцах, сообразив, что сэкономить не удастся и придется отдать почти все вырученное за испанца. Одна радость: Вениамин пообещал успеть до дождя. Дима в самом дурном расположении духа улегся на веранде; он лежал и под стук молотка думал о бренности...

Вениамин появился на веранде так внезапно, что Дима вздрогнул. «Шабаш, – сказал он, – иди, принимай работу». Дима махнул рукой – ладно, мол, верю. Не успел мастер отбыть, как резво посыпал дождь. Теперь Дима лежал и думал о бренности под шум дождевых капель. Было тепло, одуряюще благоухали мокрая трава и цветущая липа, иногда рычал гром, но не страшно, а добродушно так порывивал. Дима отлежал бока, но продолжал лежать, поднимаясь только, чтобы сварить кофе и сделать бутерброд.

Настроение было гнусное. Ему было до слез жаль испанца, и ни разу за всю неделю он не зашел в студию – не хотел видеть пустое место там, где еще недавно стояла картина. Рядом с ним на стуле лежал альбом – на случай, если в голову придет что-нибудь интересное. Но ничего не приходило...

* * *

А в жизни Артура продолжался фарт. Ближе к полудню пришел старик лет девяноста и принес... Но обо всем по порядку.

Артур собирался на обед в «Белую сову», предвкушая, как закажет их фирменную семгу под белым соусом и бокал шардоне, поболтает с официантом Жорой и просмотрит свежий номер местного бульварного листка «Вечерняя лошадь» на предмет криминальных хроник и сплетен. Тут и пришел этот самый старик. Крутнулось колесо фортуны, и Артуру выпал очередной фарт. Старик лет девяноста, как уже было упомянуто, с негнущимися коленками, опирающийся на палку, с головой Мефистофеля принес большую папку с рисунками и попросил оценить. По просьбе знакомой дамы, чей муж недавно скончался, а рисунки очень ценные, от деда-прадеда, который был известным коллекционером и вращался в богемных кругах. И теперь эта дама хочет знать насколько. Лично он ничего в этом не понимает, так как всю жизнь трудился по другому ведомству, а именно: преподавал вокал в музыкальном училище. А направлялся он в исторический музей, так как ему сказали, что у них есть художественный эксперт. Эксперт есть, но вернется через неделю, а тут ему на глаза попала «Старая лампа», и он решил зайти и узнать, справедливо рассудив, что здесь тоже должны быть эксперты.

Старик рассказывал подробно и со вкусом, Артур уже собирался извиниться и выпроводить его под предлогом... ну хотя бы переучета, но на всякий случай решил взглянуть. Он протянул руку и спросил:

– Вы позволите?

Старик помедлил и передал ему папку. Артур положил ее на прилавок и развязал тесемочки

– Семь штук, – бдительно сказал старик. – Разного размера. Три маленьких, два средней величины и два больших. Очень старые и ценные. Там есть подписи художников... на некоторых.

Артур раскрыл папку и принялся рассматривать. Там были два эскиза сангиной: голова собаки и воробей – те, о которых старик сказал «средней величины», – на листах плотной пожелтевшей бумаги, затертой по краям, размером примерно двадцать на тридцать сантиметров. Собака была как живая – искорки в глазах, длинные уши...

Три мелких – графитовыми карандашами – изображали растения: бутоны, стебли, цветы. Артур узнал одуванчик, ландыш и пышную кисть акации. И два больших: лысый старик с седой кудрявой бородой, клубящимися завитками по бокам головы и пронзительным сатанинским взглядом; на его лбу закручивались рожки. На другом рисунке – отдельные «детали» старика: тщательно выписанная корявая кисть руки с длинными сильными пальцами, силуэт головы, втянутой в плечи, глубоко посаженные глаза, лохматые брови и пронзительный взгляд...

Артур напрягся и бросил испытующий взгляд на посетителя. Он достал лупу, включил люстру и настольную лампу. Присмотрелся, разобрал дату: тысяча восемьсот девяносто восьмой – и не то букву «В», не то цифру восемь. Неужели?!

– Вы хотите их продать? – спросил он, поднимая глаза на старика.

– Нет. Я лишь уполномочен узнать мнение эксперта.

– Возможно, ваша знакомая захочет продать?

– Намерения моей знакомой мне неизвестны, – церемонно сказал старик. – Но я могу позвонить и узнать.

– Давайте договоримся так: вы оставляете их до завтра, я еще раз хорошенько все рассмотрю, а вы узнаете, сколько ваша знакомая хочет за них, – предложил Артур.

Старик задумался, с сомнением рассматривая его, пожевал губами и сказал:

– Вопрос очень серьезный, молодой человек. Я должен проконсультироваться.

Артур мысленно чертыхнулся. Старик вытащил допотопный кнопочный телефон, подозрительно взглянул на него и отошел вглубь магазина. Артур снова взялся за лупу.

– Анечка согласна, – сказал старик, возвращаясь. – Завтра в двенадцать я зайду. Имейте в виду, молодой человек, у нас есть фотографии, заверенные нотариусом. И попрошу расписочку. А ля гер ком а ля гер¹, как говорится.

Посетитель ушел, и Артур бросился к компьютеру. Нашел врубелевского «Пана», сравнил. Та же модель, тот же стиль, та же рука... во всяком случае, похоже. И год! Картина датируется девяносто девятым, эскиз – девяносто восьмым. В масть! Сердце его колотилось, спина покрылась испариной.

¹ A la guerre comme à la guerre (фр.) – На войне как на войне.

Мелькнула мысль: «Испанец!» С него все началось! Фарт! Тут он вспомнил, что владелица не собирается продавать рисунки, и ухмыльнулся: набивает цену! Все покупается и продается, главное – вопрос цены! А если и другие... собачка, птичка, листики... тоже? Надо будет порыться, поискать. Фарт, фарт, фарт! Лишь бы старик не врезал дуба до завтра. Хотя если даже... гм... то кто докажет, что он был именно здесь? Артур рассмеялся...

...Старички оказались не такими уж простаками. Владелица согласилась продать все оптом за три тысячи долларов.

– За сколько?! – вытаращил глаза Артур. – Это нереально!

– Тогда не сговоримся, – твердо сказал старик и потянул папку к себе. – Схожу в музей, нам не к спеху. Пусть там скажут.

– Две! – сказал Артур.

– С половиной. И квитанцию купли-продажи пожалуйста, чтобы все по закону.

* * *

– Представляешь, он их рассматривал и на свет, и с лупой... чуть на зуб не пробовал. А у меня коленки подгибаются! Ну, думаю, сорвалось! – возбужденно рассказывал Леонид. – Сейчас скажет, фейк, забирайте ваши картинки... а он: «По рукам». Две с половиной! Неплохо!

– Молоток! Артист! – кричал Дима. – Талант! Какой на

хрен переводчик! Я сразу тебя раскусил!

– Я в институте играл в драмкружке... но то на сцене! Господи! Адрес фальшивый, усы фальшивые... даже совестно. Знаешь, больше всего я боялся, что ус отклеится или съедет парик. Шляпа дурацкая тоже... Как представлю, прямо мурашки по спине. Думаешь, он не будет меня искать?

– Фиг тебя найдешь! – Дима ухмыльнулся. – Не рохай, Арику теперь не до нас. Сейчас кинется задвигать понты и гундеть про прадедушку-художника, заломит цену и огребет по сусалам! – Дима радостно захохотал. – Представляю себе его морду! За успех! – Он разлил коньяк.

Они сидели на веранде Диминого дома. Циклон улетел, и дождь закончился. Светило солнце, мир вокруг был зеленым и радостным. Свистели и верещали птицы на деревьях, в траве прыгали кузнечики. Депрессию у Димы как рукой сняло – настроение было таким же зеленым и радостным.

– Я никогда никого не обманывал, – сказал Леонид. – Теперь чувство неловкости, дискомфорта... Когда ты мне позвонил и предложил встретиться, я страшно удивился, не мог даже вообразить себе...

– Забей! – Дима хлопнул его по плечу. – Это он нас обманул! Знаешь, на сколько потянул бы подлинник? То-то. А мы его обули всего на пару штук... фигня! Между прочим, никто его за жабры не тянул! Ты назвал цену, он согласился. А чего он там себе удумал насчет автора – его проблема. Сильно борзый стал!

– Оригинальная визия, – покивал Леонид. – Полностью меняет угол зрения. Правильно говорят, что все зависит от восприятия.

– Ну! Рисунки, между прочим, классные. Особенно психан... как живая. Три дня работы!

Они помолчали.

– Поверишь, я сразу о тебе подумал, – сказал Дима. – У тебя на роже написано: честный лох! Пардон, конечно, за мой французский.

– Премного благодарен!

– Ага. И все время в голове крутилось... Как это ты сказал? Головой надо работать, чтоб на крышу хватило. Получается, руками работать мало, надо еще и головой. Лежу на диване, Венька тюкает молотком, тоска, испанца жалко... Арик, гад! И вдруг меня как шарахнет по мозгам! Блин, думаю, а если его тем же концом да по тому же месту? – Дима радостно заржал. – Вообще-то, из Арика эксперт, как из меня стриптизерка. Одни понты, а сам ни хрена. Его у нас во дворе часто били за выпендрож. В истории, правда, разбирается, но больше по монетам, бронзе... так, всякая мелочовка. Видел барахло у него в лавке? Самовары и утюги! А живопись – особая статья, это чувство, нутро... целый мир!

– Вы друзья детства?

– И деловые партнеры... типа. Он продает мои работы, причем гребет тот еще процент, жулик. Чисто по-дружески. А я спихиваю ему всякие артефакты... Тоже с процентами.

Так и живем. Испанца жалко... – вздохнул Дима.

– А выкупить назад никак?

– Да он его давно загнал! И наварил прилично. Полгода кишки мотал...

Дима потянулся за бутылкой и снова разлил.

– Думаешь, он не догадается? – спросил Леонид. – Он же твою руку знает.

Художник дернул плечом:

– Пусть докажет.

– Эле расскажем? Мне бы не хотелось... – сказал новый друг.

– Ага, весь белый и пушистый, а тут такой мухлеж! – фыркнул Дима. – У тебя с ней серьезно?

– А у тебя?

– У меня? – удивился Дима. – Ты чего, переводчик? Она не в моем вкусе. С Лёлей я дружил, классная была бабка. Писала письма в газету, била в набат, выступала на митингах... Старое поколение! Всюду свой нос суют, до всего дело есть. Элька мне вроде как по наследству досталась.

– Так чего же ты в драку?

Дима задумался, ответил не сразу:

– Настроение и так хреновое было, а тут ты еще под руку подлез, выступать стал. Так серьезно у вас или как?

– Не знаю, – честно ответил Леонид. – Сначала было серьезно, взаимопонимание, общие интересы, планы на будущее... Восторг и горение. Теперь не знаю. Да и семью просто

так со счетов не скинешь, двое детей...

– Большие?

– В восьмом классе, близнецы. Александр и Виктория. Сашка давно просит новый компьютер, а у меня в последнее время даже подработки не было.

– Теперь купишь, обрадуешь малого.

– Ага. А у тебя есть?..

– Дети? – Дима пожал плечами. – Нету вроде... на данный момент.

Они помолчали.

Дима поднял стакан:

– За нас!

– С прошедшим днем рождения! – Леонид тоже поднял стакан. – Картины покажешь? Твой венецианский карнавал мне понравился, очень атмосферно.

– Не вопрос! Допивай, и пошли смотреть. И пуговицы покажу, хочешь?

Татьяна Устинова

Вишенка на торте

Однажды в какой-то телевизионной программе психологи и разные другие умные люди разбирали житейские ситуации. Я была в числе «экспертов», хотя особенным умом не блещу и психологом не являюсь. Я тихо сидела, ожидая, когда меня о чем-нибудь спросят, я тогда что-нибудь отвечу, и меня отпустят домой.

И меня спросили!

– Татьяна, – спросил меня психолог, тонко улыбаясь. – А кому в вашей семье достается самый красивый кусочек торта? Ну, тот самый, на котором вишенка?

Вопрос простенький, на «троечку» вопрос, подумаешь!..

Но я растерялась. Я не знала, что ответить. Я некоторое время смотрела на психолога, как коза, а потом проблеяла, что «не знаю».

Слушайте, я правда не знаю! То есть я понимаю суть, чувствую «второе дно», ловлю подтекст – психолог спрашивает меня сейчас, кто в семье «главный любимый»!

...У нас и тортов-то этих никто не ест, кроме меня. Ни вишневых, ни шоколадных, никаких. То есть я получаю весь торт целиком, вместе со всеми вишенками и шоколадными зайцами, если таковые присутствуют. Я никогда не могу его

одолеет, он медленно черствеет, и на него приходится «налегать» нам вдвоем с помощницей Ритусей. Мужики мои не едят тортов, и точка!

Еще они равнодушны к подаркам. Любым. Каким угодно. Это еще с деда Миши повелось. Дед Миша родился в 1910 году и на все именинные и прочие подношения реагировал одинаково. Он говорил: «Благодарю!» – и клал коробку или сверток рядом с собой.

Так же точно поступает мой папа. Когда мы привозим ему подарок, любой, какой угодно, он неизменно указывает нам: «Лучше бы матери чего-нибудь купили!» – и тут же о подарке забывает.

...Кто же, кто получает у нас эту «вишенку на торте»?

День рождения сестры в декабре – праздник и буйство. Море шампанского, хризантемы, приготовления. Как правило, поездка куда-нибудь, хоть в село Вятское, чудесное место под Ярославлем, хоть в Сочи, пусть один денек, да под пальмой, красота!..

Мой собственный день рождения в апреле – праздник и буйство в удесятеренном масштабе. Шампанское с утра, салат с крабами, отгул на работе, диск Максима Леонидова, куча подарков, корзины с цветами, курьеры из издательства, и гости тоже с утра.

Мужские дни рождения, от мала до велика, – на даче все таскают дрова, или ладят забор, или поправляют собачью будку, а потом шашлычок и стопочка. Подарки в пакетах сто-

ят неразобранные, и моя задача – ничего из этих пакетов не забыть, увезти домой.

Н-да...

Восьмого марта подарки никакие, конечно, не предусмотрены, кроме мимозок и тюльпанов, зато бывает торжественный обед из пяти блюд и торт, который, кроме меня, никто не ест. Двадцать третьего февраля, напротив, обед не предусмотрен, лишний выходной можно употребить на разные хозяйственные работы или на лыжный поход, зато предусмотрен ужин. Ужинать едем к папе, у него 23 февраля день рождения. «Лучше бы матери чего-нибудь купили!»

Мне и в голову никогда не приходило, что «вишенка на торте» – тьфу ты, привязалась она ко мне! – может достаться кому-то из... мужчин. Не сестре, не маме, не мне, а, допустим, Максу, Инкиному мужу. Он и тортов-то никогда не ест...

Как иногда невыносимы бываем мы, как несправедливы, как придирчивы, как мы лучше всех все знаем, как любим упрекать и как не любим признавать ошибок! Как много нужно великодушия и широты души, чтобы все это выносить, прощать, не обращать внимания! А они выносят, прощают, не обращают.

Они не едят тортов, и всучить им вишенку не удастся, зато я напеку две кастрюли пирогов – с мясом и с капустой, суну в морозилку стопки, а водочка давно припасена, наварю солянки и накуплю всем по десять пар носков. Почему-то им

всегда не хватает носков и штанов!..

А вовсе не вишенки. Хотя бы и на торте.

Людмила Мартова

Игра в убийство

Алла откинулась на спинку кресла и с удовольствием бросила последний взгляд на результаты своих усилий. Пожалуй, это была действительно удачная идея – убить бывшего мужа. С мужем они, конечно, расстались по обоюдному согласию, а потому мирно. Но если все равно нужно кого-то убить, так почему бы и не его.

Все пять лет после развода муж продолжал содержать Аллу, исправно переводя деньги на ее карточку. Он говорил, что тем самым удовлетворяет свои потребности в меценатстве. Алла, разумеется, не спорила, поскольку писательство приносило ей моральное удовлетворение, пусть нечастые, но минуты славы, но никак не финансовую независимость.

Алла была писателем, автором детективов, по которым уже вышло то ли пять, то ли шесть сериалов. Ах да, с шестым возникла проблема, которую еще предстоит решить, причем без скандала точно не получится. Да и бог с ним, со скандалом.

Когда-то давно писательское поприще помогло Алле не свихнуться от набившей оскомину роли домохозяйки, а потом пошло-поехало. Теперь Алла Миронова вела жизнь, которой, как она знала, многие завидовали. Благодаря бывше-

му мужу у нее был стабильный источник дохода, позволяющий не работать, роскошная квартира в центре города, доставшаяся после развода (загородный дом отошел бывшему мужу), машина и любимые до дрожи ленивые утра.

Проснувшись, можно было бесцельно валяться в кровати, пить кофе, потом неспешно «чистить перышки», как называла визиты парикмахера, маникюрши, педикюрши, косметолога, массажиста ее приятельница, известная в городе журналистка Инесса Перцева.

Затем в графике значился обед в ресторане с подругой или заказ на дом всего, чего захочется. И только после этого Алла усаживалась за удобный письменный стол, чтобы написать новую порцию леденящих кровь детективных подробностей. Двадцативосьмилетний и очень самостоятельный сын жил отдельно – их обоих это устраивало, поскольку отношения с ним у Аллы были не самые безоблачные.

Вспомнив сына, она негромко вздохнула, но тут же снова переключилась на строчки экранного текста. Да, решено, на своем юбилее она «объявит» убийство. И наплевать, что Инесса считает, будто это неправильно, да и вообще вся затея дурацкая.

Ее близкой подругой Перцева не была, скорее, у двух женщин – криминального репортера и автора детективов – сложилось взаимовыгодное сотрудничество. Инесса поставляла Алле Мироновой сюжеты для будущих романов, реализовывая тем самым некоторый недостаток фантазии. Инесса Пер-

цева, в миру Инна Полянская, была реалистом до мозга костей, прекрасно разбираясь в устройстве криминального мира и человеческих страстях.

Реальные истории она описывала великолепным сочным языком, но вот выдумывать их не умела, в то время как в голове Аллы Мироновой рождались самые разнообразные герои с невероятными судьбами, но лежащие в основе любого детектива преступления требовали не только буйства фантазии, но и конкретных деталей, для правдивости которых нужно хотя бы немного разбираться в работе полиции, следственного комитета, прокуратуры и судов. Алла была в этом вопросе профаном, Инна – профессионалом, и вместе они представляли собой прекрасный дуэт.

Через две недели Алле Мироновой исполнялось пятьдесят лет, и она сломала голову, пытаясь придумать, как и где, а главное – с кем отметить предстоящий юбилей. Как говорили, самый главный в жизни. Цифра ее не страшила, для Аллы Мироновой возраст вообще был всего лишь датой в паспорте, но отметить хотелось так, чтобы запомнилось на всю жизнь – оставшуюся и явно менее увлекательную, чем первая ее часть.

Изначально Алла придумала туристическую поездку в Исландию, представляя, как они с Володией сначала доедут на машине до аэропорта, откуда улетят в Хельсинки, потом переседут на другой самолет и окажутся в Рейкьявике, поселятся там в отеле с видом на море и поужинают в дорогом

рыбном ресторане.

Затем за несколько дней можно объехать фольклорный музей под открытым небом «Арбаэярсафн», Музей китов в Хусавике, геотермальный курорт «Голубая лагуна», водопад Гюдльфосс, национальный парк Тингведлир, горячую реку в Хверагерди, долину гейзеров Хёйкадалур. И, наконец, в сам юбилей провести ночь в одном из девяти стеклянных шаров всемирно известного отеля Bubble, чтобы, позанимавшись любовью, прямо в постели любоваться северным сиянием.

Идея была прекрасна, продумана до мелочей, до бронирования отелей и покупки билетов оставалась всего-то пара месяцев, когда разбушевавшаяся пандемия поставила на этих планах жирный крест. Уже месяцев за десять до дня рождения у Аллы стали закрадываться сомнения в реалистичности ее плана, а уж к самому юбилею стало окончательно ясно, что ни Исландии, ни гейзеров, ни северного сияния имениннице не видать.

Новый план в голову не приходил. Во-первых, всегда больно расставаться с мечтой, а во-вторых, в последнее время Алле Мироновой было чем занять мысли и помимо предстоящего юбилея, будь он неладен. Она просто физически чувствовала разлитое в воздухе напряжение. Что-то было не так, и не из-за проклятого вируса. Им Алла и Володя переболели в декабре, поэтому к Новому году, а потом и к ее дню рождения пришли с бесценным подарком в виде антител, так что кончики пальцев и затылок немели вовсе не от боязни

заболеть.

Юбилей был совершенно некстати, по крайней мере, думать о нем не хотелось. И тут-то ближайшая и самая любимая подруга Вера вдруг спросила, не хочет ли Алла провести детективную вечеринку. Миронова подумала и решила, что да.

Как автор детективных романов, сценарий она написала сама, тщательно обдумав фабулу преступления, место действия, антураж, распределение ролей между гостями, поведение «жертвы» и следствие, в ходе которого собравшимся предстояло вычислить убийцу. Юбилейное торжество было намечено на последнюю субботу января. Все было готово, но для того чтобы воплотить план в действие, требовался союзник.

Немного подумав, Алла приняла решение пригласить на день рождения Инессу Перцеву, в ближний круг не входившую, а также посвятить ее в замысел всего мероприятия. Инна выслушала внимательно, в необходимости подобной инсценировки усомнилась, свои возражения высказала, но приняты они не были, и в конце концов помочь она все-таки согласилась.

И наконец, день X настал. Виновница торжества, одетая в нарядное вечернее платье, немного нервничая, стояла посередине арендованного ресторанного зала и встречала гостей. Ресторан был тоже выбран необычный. По большому счету и не ресторан вовсе, а авторская студия итальянской

кухни Антонио Алесси. Владелец и шеф-повар, прибил к их маленькому городу много лет назад, чтобы научить готовить персонал первого ресторана итальянской кухни, да так и остался.

По замыслу Аллы, убийство должно было произойти между первой сменой блюд, а вычислить убийцу предстояло akurat к десерту. Новый ресторан, в котором гости сами готовили себе горячие блюда под руководством шеф-повара, открылся меньше полугода назад, большинство Аллиных гостей там еще не были, что привносило в торжественный вечер дополнительную изюминку. Да и антураж для убийства казался более подходящим, чем классический ресторан с кучей столиков и случайных свидетелей.

Володя стоял рядом с Аллой, одетый в синий с искоркой костюм, но заранее скучающий. Как и Инна, затею он считал дурацкой, да и вообще, по метким наблюдениям именинницы, скучал в ее присутствии все чаще, так что несостоявшаяся поездка в Исландию, возможно, и не оказалась бы такой уж чудесной, как Алла себе вообразила.

С Володей они были вместе уже три года и, по ее убеждению, прекрасно дополняли друг друга. Известная писательница и успешный адвокат, что может быть романтичнее? К их случайной встрече у общих друзей – брат подруги Веры, тоже адвокат, однажды привел Владимира Гридина с собой на какое-то семейное торжество – тот тоже был разведен, а значит, свободен. Он уехал вместе с Аллой прямо в вечер

знакомства и через неделю переехал насовсем, потому что они идеально подходили друг другу, – совпадали житейский опыт, интересы и темперамент.

На юбилей Володя подарил Алле бриллиантовое кольцо от «Тиффани», словно вину какую-то заглаживал, – по крайней мере, дорогой подарок, стоивший как небольшая машина, она оценила именно как извинение. Кольцо сейчас сияло на ее пальце, пуская солнечные зайчики и подчеркивая тот неоспоримый факт, что Алла Миронова – настоящая королева и звезда.

Часть гостей уже была в зале. Первой приехала Инесса Перцева, поскольку ей предстояло весь вечер выполнять ответственное поручение, а значит, опаздывать было нельзя. Ее спутник – высокий худощавый мужчина с темными, очень выразительными глазами – учтиво поздоровался, поздравил Аллу с днем рождения, вручил букет цветов, отошел к окну и стал изучать хранившуюся на стеллаже коллекцию виниловых пластинок с итальянскими мелодиями.

Как знала Алла, известная журналистка была счастливо замужем за владельцем крупной сети продуктовых супермаркетов. Как и сама Миронова, она могла позволить себе заниматься любимым делом, не оглядываясь на финансы. У Аллы были детективы, у Инны – журналистика, но картины в целом это не меняло.

Кроме того, по гастрономической студии, разглядывая ее с явным интересом, бродил бывший муж Дмитрий, заранее

предупрежденный, что сегодня его должны отравить, со второй женой Мариной, ради свадьбы с которой бизнесмен Миронов и развелся с Аллой. Конечно, особой любви именинница к разлучнице не питала, но и претензий не имела, поскольку их с мужем развод состоялся цивилизованно и к обоюдному удовлетворению.

Впрочем, Алла не преминула отметить, что Марина выглядит измученной и явно расстроенной. Будучи на двенадцать лет моложе писательницы, она сейчас, пожалуй, казалась ее ровесницей. Синяки вокруг глаз, дрожащая жилка на виске, дерганные движения и дрожащие руки добавляли ей лет. Странно, болеет, что ли?

По большому счету здоровье и настроение Марины Аллу не волновали ни капельки, просто сегодня она невольно замечала все мелочи, и бледность бывшей соперницы наводила на некоторые размышления.

Ждали только Веру с мужем и двумя детьми. Все остальные были в сборе. Несмотря на круглую цифру, состоящую из пятерки и ноля, компания сегодня собиралась довольно узкая. Во-первых, из-за коронавирусных ограничений, во-вторых, из-за детективной задумки, которая исключала возможность включения в квест посторонних.

– Мамочка, ты, как всегда, сияешь, поздравляю с двадцатипятилетием, желаю счастья в личной жизни, Пух. – Впустив в помещение морозную свежесть, в ресторан вошел сын.

Ну да, конечно, прикидывая, кого еще нет, Алла совершенно упустила его из виду. Она вообще часто забывала о том, что он не позвонил, не приехал, опять нагрубил. Володя объяснял это тем, что мозг Аллы просто блокирует все неприятное, связанное с Мироновым-младшим, и она не могла не согласиться.

Несмотря на то что к тому моменту ему уже исполнилось двадцать три, сын тяжело пережил их с Дмитрием развод, при этом обвиняя в случившемся не отца, нашедшего новую любовь, а именно мать, не сумевшую того удержать.

– Если бы для тебя существовали не только ты сама и твои дурацкие детективы, если бы ты обращала внимание на реальных людей, а не на вымышленных персонажей, живущих в твоей голове, папа бы никогда не ушел. – С этих слов началась их первая крупная ссора, и за пять лет они, пожалуй, не помирились, а скорее, просто примирились друг с другом.

К счастью, единственный наследник жил отдельно, снимая квартиру, а потому стычки между ним и Аллой происходили гораздо реже, чем могли бы, живи они бок о бок. К появлению в ее жизни Володи сын отнесся философски, и, когда все-таки забегал ненадолго, любил поговорить с любовником матери, к примеру о политике и мировом устройстве. К Володе у него претензий не было.

– Спасибо, Сашуля, – нежно проворковала Алла, помня, что хотя бы сегодня нужно удержаться от колких комментариев, язвительных замечаний и постараться сыграть роль

мудрой матери. Именно этим вечером это было особенно важно. – О, Шурочка, как я рада тебя видеть, – последние слова обращались уже к подруге сына, которую, так же, как и его, звали Сашей.

Александр и Александра, боже, какая пошлость!

Подруга ее сына пробормотала что-то неразборчивое, находящееся между «поздравляю с днем рождения» и «пошла бы ты к черту», подняла голубые глаза на стоявшего рядом Володю и покраснела маковым цветом, тяжело, мучительно. Неровные красные пятна предательски расползлись по шее и открытому декольте, выдавая крайнее волнение. Влюбилась эта дуручка в него, что ли?

– Можно выносить аперитив? – К Алле подошел шеф-повар, с которым они договаривались, что в самом начале вечера всем гостям будет предложена домашняя сангрия. – Или будем ждать недостающих гостей?

Алле показалось или он «ел» ее глазами, в которых помимо подходящего к мизансцене подобострастия крылось что-то еще. Интерес? Обожание? Обида? Ярость? Впрочем, думать об эмоциях повара, пусть даже и лучшего, было неинтересно, да и некогда. До намеченного на сегодняшний вечер убийства оставалось слишком мало времени, чтобы размышлять о ерунде. Напряжение, охватывающее Аллу Миронову, достигло апогея, заставив сердце биться неровными толчками, и тут же пропало, спугнутое громкими возгласами от двери:

– Алка, солнце, с днюхой! Вот утром вроде все сказала, а сейчас дай я тебя расцелую. – Подруга Вера, когда-то учившаяся с Аллой на одном курсе, успешная бизнесвумен, одна из самых ярких акул местного бизнеса, ворвалась как ураган. Она всегда не входила, а врывается, не ездил, а неслась, не шла, а топала, и все это сопровождалось громким голосом, ярким макияжем, брызжащими во все стороны эмоциями и нескончаемой суматохой. Алла подругу любила, хотя та и была невероятной стервой.

– Спасибо, Верушка, – сказала она, напрасно стараясь, чтобы от объятий и поцелуев не пострадала праздничная прическа, – привет, Валя. Крестнички мои, здравствуйте, идите же, я вас расцелую.

Валентином звали Вериного мужа, которого Алла считала ничемнейшим на земле созданием. Когда-то давно, в их с подругой юности, он пел в популярной рок-группе, созданной такими же безусыми юнцами. Группа со временем, разумеется, распалась, юнцы выросли, получили образование, обзавелись семьями и научились зарабатывать, а Валя так и застрял, как он это называл, «в творчестве», не имея никаких способностей ни к чему другому. Пел он, надо признать, неплохо, вот только ни в одном коллективе не приживался, работать не хотел, с худруками скандалил. В кормильцы семьи он не годился совершенно, и Вера, когда-то влюбленная в его голос и творческую неприиспособленность к жизни, махнула рукой и стала зарабатывать сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.